

УДК 811.161.1'38

О. П. Пушкарь

СИНКРИЗИС В ИДИОСТИЛЕ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА (ИГРОВОЙ АСПЕКТ)

О. П. ПУШКАР. СИНКРИЗИС В ІДИОСТИЛІ СЕРГІЯ ДОВЛАТОВА (ІГРОВИЙ АСПЕКТ).

У статті розглядається творчість С. Довлатова з погляду на мовну гру. Одним з домінуючих механізмів створення мовної гри у прозі письменника є антитеза. Проаналізовано регулярний тип антитези – синкрізіс, який поширений як у ранній творчості С. Довлатова, так і у зрілій. Визначено характерні функції синкрізісу при моделюванні ігрових висловлювань.

Ключові слова: мовна гра, синтактика, антитеза, синкрізіс, комічний ефект.

О. П. ПУШКАРЬ. СИНКРИЗИС В ИДИОСТИЛЕ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА (ИГРОВОЙ АСПЕКТ).

В статье рассматривается творчество С. Довлатова с точки зрения языковой игры. Одним из доминирующих механизмов создания языковой игры в прозе писателя является антитеза. Проанализирован регулярный тип антитезы – синкрізіс, который широко используется как в ранний период творчества С. Довлатова, так и в зрелый. Определены характерные функции синкрізісу при моделировании игровых высказываний.

Ключевые слова: языковая игра, синтактика, антитеза, синкрізіс, комический эффект.

O. P. PUSHKAR. SYNCRISIS IN SERGEI DOVLATOV'S IDIOSTYLE (THE LANGUAGE GAME ASPECT).

The article discusses the phenomenon of language game as Sergei Dovlatov's artistic style individual feature. Using the different types of language game is an essential characteristic of Sergei Dovlatov's idiosyle. In accordance with the classification of the language game in framework of semiotic approach, semantic and syntactic language game are distinguished. The article performs such syntactic mechanism of creation of the language game as antithesis. The most productive type of antithesis – syncrіsis is analyzed in the article. The principal functions of syncrіsis in Sergei Dovlatov's artistic style of early and mature periods are determined.

According to the research we find out the following features of functioning syncrіsis in Sergei Dovlatov's idiosyle. Syncrіsis is actively used for creation so-called «ironic antithesis». Syncrіsis performs an entertaining and attitudinal functions in general. Using precedent names in the antithetical constructions helps to create different artistic effects in Sergei Dovlatov's prose.

Key words: language game, semiotics, mechanisms of creation of the language game, antithesis, syncrіsis.

Антитеза – одна из наиболее употребительных стилистических фигур, построенных по принципу контраста. Контраст, в свою очередь, предстает эффективным средством в создании комического высказывания. Языковая игра (ЯИ) в таких случаях порождается благодаря совмещению несовместимого, «укрупняя противопоставления предметов и усиливая их противоположность через перенос значения, выраженного в союзной или экспрессивной бессоюзной связи» [14, с. 141].

Контрастность, на наш взгляд, является одной из доминантных черт идиостиля С. Довлатова. Именно этот прием в наибольшей степени выражает парадоксальность его мышления.

Антитезу, вслед за А. Квятковским, определяем как «стилистическую фигуру контраста, заключающуюся в резком противопоставлении понятий, положений, образов, мыслей или понятий для усиления выразительности в художественной речи» [8, с. 40]. Антитеза опирается

на языковую и контекстуальную антонимию: «Основная стилистическая функция антонимов – быть лексическим средством выражения антитезы» [5, с. 61].

В научной литературе различают такие разновидности антитезы, как синкрисис, акротеза, амфитеза, аллойоза, альтернеза [11]. В ходе проведенного анализа было установлено, что все разновидности антитезы используются С. Довлатовым для создания игрового эффекта. В ранний период творчества частотными типами выступают синкрисис и акротеза, а в зрелой прозе активно фигурируют все типы антитетических конструкций. Синкрисис широко используется на протяжении всего довлатовского творчества.

Целью настоящей статьи является анализ доминирующего типа антитезы – синкрисиса, интенсивно используемого для создания игровых высказываний в ранний и зрелый периоды творчества С. Довлатова, а также установление функциональной нагрузки синкрисиса в довлатовском идиостиле.

Синкрисис, по определению А. Щербакова, – это «разновидность антитезы, состоящая из двух симметрично построенных словосочетаний или предложений, в каждом из которых имеется ряд компонентов, вступающих в антонимичные отношения» [11]. Такой тип антитезы «является самым ярким проявлением способа противоположности принципа контраста» [7, с. 10].

Приведем пример из ранней прозы С. Довлатова: *Когда-то мы скакали верхом. А сейчас плещемся в троллейбусных заводах. И спим на ходу. Когда-то мы спускались в погреб. А сейчас бежим в гастроном* [6, Т.1, с. 71-72].

В антонимичные отношения в этом отрывке вступают несколько пар антонимов (в том числе и контекстуальных): *когда-то* ‘в прошлом’ – *сейчас* и *скакали верхом* – *плещемся в троллейбусных заводах*; *спускались в погреб* – *бежим в гастроном*. Последние противопоставления реализуют метонимические значения. Параллелизм конструкций усиливает высокую экспрессивность высказывания и служит средством актуализации авторского субъективного взгляда на меняющуюся жизнь.

В зрелой прозе антитеза активно используется писателем для создания ЯИ. Широкий спектр выполняемых синкрисисом функций позволяет С. Довлатову реализовать необходимые коммуникативные задачи.

Характерно использование синкрисиса в развлекательной функции. Например: *Авторы хороших материалов будут премированы. Лучший из лучших удостоится поездки на Запад, в ГДР.*

– *Логично. А худший из худших – на Восток?* [6, Т. 1, с. 278].

ЯИ возникает благодаря антитетической ответной реплике лирического героя, используемой для создания остроумного (ироничного) высказывания. Противопоставляются антонимичные устойчивые выражения *лучший из лучших* – *худший из худших* и антонимы *Запад* – *Восток*.

Синкрисис используется с целью яркого выражения взглядов, убеждений и активно участвует в создании афористических высказываний, которые встречаются как в авторской речи, так и в речи персонажей. Например, целый ряд примеров с синкрисисом в повести «Зона» направлен на сопоставление двух «миров»: в зоне и на воле: *Мир, в который я попал, был ужасен. И все-таки улыбался я не реже, чем сейчас. Грустил – не чаще* [6, Т. 2, с. 20].

Образуют синкрисис в данном примере две пары антонимов *улыбался* (‘проявление чувства радости’) – *грустил*, *реже* – *чаще* оформленных по принципу синтаксического параллелизма. Что полностью соответствует грамматической природе (структуре) синкрисиса, который, по словам А. Щербакова, состоит «из двух симметрично построенных словосочетаний или предложений, в каждом из которых имеется ряд компонентов, вступающих в антонимичные отношения» [11].

Подкрепляется данная мысль следующим афористическим высказыванием, в котором также содержится антитеза: *Не важно, что происходит кругом. Важно, как мы себя при этом чувствуем. Поскольку любой из нас есть то, чем себя ощущает...* [6, Т. 2, с. 26].

С. Довлатов высказывает здесь суждение о том, что всё в первую очередь зависит от человека, от его мировосприятия, а окружение или среда, в которой находится человек, – второстепенны.

Еще один пример из повести «Зона»: *Я был ошеломлен глубиной и разнообразием жизни. Я увидел, как **низко** может **пасть** человек. И как **высоко** он способен **парить*** [6, Т. 2, с. 18].

С. Довлатов продолжает философские размышления о природе человеческой природы в различных обстоятельствах (в зоне). Синкрисис строится на противопоставлении пары устойчивых выражений *низко пасть – высоко парить*. Синтаксический параллелизм с повторяющимся определительным наречием *как* способствует обозначению наивысшего предела указанных проявлений.

С помощью синкрисиса в тексте часто раскрываются характерные особенности героев, а именно различие лирического героя и персонажа по тем или иным признакам: *В детстве он много читал. А я – наоборот – **рос совершенно здоровым***... [6, Т. 2, с. 355].

Здесь имеет место т.н. ироническая антитеза (Т. Бочина). Исследовательница полагает, что «важной особенностью иронической антитезы является семантическая двуплановость, позволяющая одновременно воспринимать один фонетический комплекс в двух значениях» [1, с. 14]. Комический эффект возникает в этом фрагменте вследствие приема обманутого ожидания. Словосочетанию *много читал*, казалось бы, антонимичным является словосочетание *мало читал*. Но Довлатов в качестве антитегичного элемента вводит словосочетание *рос совершенно здоровым*, иронически вкладывая в него распространенный обывательский смысл, связанный с бытующим среди простых людей мнением, что учеба подрывает здоровье детей. Работают на антитезу также противительный союз *а* и вводное слово *наоборот*, употребляющееся при противопоставлении.

В следующем примере Довлатов использует синкрисис для иронического описания своих «преимуществ»: *Мало того, я обладаю преимуществами. Мне без труда удастся располагать к себе людей. Я совершил десятки поступков, уголовно наказуемых и оставшихся безнаказанными.*

Я дважды был женат, и оба раза счастливо.

Наконец, у меня есть собака. А это уже излишество [6, Т. 3, с. 7].

В начале примера автор соединяет словосочетания с противоположной семантикой *уголовно наказуемых – оставшихся безнаказанными* для того, чтобы в своем роде озадачить читателя. Довлатов убеждает читателей в том, что он не является законопослушным гражданином, отрицательно характеризует (оценивает) себя, т.е. как бы критикует себя. Но в последующем изложении выясняется, что уголовным преступлением в советские годы считалось даже то, что *Бунин **нахально родился в 1870 году. Почти одновременно с товарищем Лениным*** [6, Т. 3, с. 61]. Таким образом, ЯИ выполняет не только развлекательную функцию (характеристика самого себя обвеяна самоиронией), но и маскировочную (в игровой форме автор «снимает с себя все обвинения» и указывает на абсурдность и нелепость представлений людей, находящихся у власти).

Следующее предложение *Я дважды был женат, и оба раза счастливо* организовано по принципу синтаксического параллелизма с предыдущим. Здесь используется принцип контрастного, противительного присоединения, подчиненного «прихоти остроумия» (В. Виноградов). Союз *и* выполняет несвойственную для него функцию противопоставления двух частей предложения. ЯИ в данном случае обнаруживает авторское видение мира. У автора сознательно искажено семантическое наполнение слова *преимущество* – ‘превосходство, качество, возвышающее кого(что)-нибудь, дающее кому-нибудь перевес над другими’. Традиционно считается удачным один брак. Счастливый брак не разрывают. Довлатов, вопреки сложившемуся традиционному взгляду, иронически утверждает иную систему ценностей.

Последняя часть примера: *Наконец, у меня есть собака. А это уже излишество*, – подтверждает «искаженное» видение мира автором. Довлатов вроде бы объединяя (опять-таки иронически) свой взгляд со взглядом советских мещан, считавших содержание собак в городских условиях «излишеством», в то же время акцентирует внимание на этом обстоятельстве, называя наличие у него собаки «преимуществом». Вводное слово *наконец* подчеркивает градационное размещение предложений, но только в авторском понимании, что усиливает иронический стиль изложения.

Синкрисис в зрелой прозе часто используется автором для подчеркивания предельных различий общественного строя Советского Союза и США. Например: *То, что **плохо у нас***,

должно быть замечательно в Америке. Там – цензура и портвейн, здесь – свобода и коньяк [6, Т. 3, с. 161].

Противопоставление в первом предложении двух пар антонимов *у нас – в Америке* и *плохо – замечательно* в параллельной конструкции автоматически формирует аналогичные отношения между другими компонентами в следующем предложении: *там – здесь, цензура – свобода, портвейн – коньяк*. Последняя пара слов воспринимается как антонимы по аналогии с предыдущими парами. Вне контекста эти слова не выражают контрарных значений. Противоположность в паре *портвейн – коньяк* выражается «не непосредственно семантически, а опосредованно – прагматически» [12, с. 156]. Прагматическим фоном является статус этих алкогольных напитков в Советское время. Портвейн представлял собой дешевое, не очень качественное крепленое вино, которое производили в больших количествах. Коньяк же причисляли (как и в настоящее время) к элитным алкогольным напиткам. Таким образом, в антонимические отношения вступает *портвейн* ‘суррогатный спиртной напиток’ – *коньяк* ‘элитный крепкий спиртной напиток’. Доминирующий, выражающий противоположность признак, который можно обозначить словами *хороший – плохой* формирует антонимию в приведенной паре. В примере «происходит проекция смысла одной конструкции на другую – в силу присущих им структурных «переключек», отражаясь друг в друге, смыслы взаимообогащаются [9, с. 238–239].

Приведем еще один пример: *В Союзе меня не печатали. Значит, тут я превращусь в Арта Бухвальда* [6, Т. 3, с. 161].

Противопоставляются разные страны: *в Союзе – тут* в значении ‘в Америке’ на основании общего признака наличие/отсутствие творческой свободы. Как и в предыдущем примере, следующие словосочетания *не печатали – превращусь в Арта Бухвальда* воспринимаются как контекстуальные антонимы по аналогии (благодаря синтаксическому антитетическому оформлению). В антитетической конструкции играет роль и грамматическое оформление: противопоставление в прошедшем и будущем времени.

Кроме того, автор вводит в текст имя-аллюзию *Арт Бухвальд*, используя IV тип контекста-актуализатора имени собственного (по Э. Кравченко). Используется модель «предполагаемого самоотождествления» [10, с. 89]: ‘анафорический компонент + гл. связка превращусь в + КО (коннотативный оним. – О. П.) в В.п.’. Проявляется, также, многоуровневость довлатовских произведений. Аллюзийный компонент можно расшифровать без привлечения культурного контекста. Из синтаксической конструкции очевидно, что *превращусь в Арта Бухвальда* обладает значением ‘будут печатать’, значит Арт Бухвальд – тот, кого публикуют. Читатель, который знаком с аллюзийным онимом, извлечет больше зашифрованной информации. Вследствие чего он получит интеллектуальное удовлетворение, разгадав ЯИ автора. Так, Арт Бухвальд – это известный сатирик и журналист. «В семидесятых, когда Бухвальд был на пике славы, его колонку печатали нарасхват сразу 500 газет в Америке и Европе. И, кто помнит, – в СССР тоже» [13]. Можно предположить, также, что выбор онима обусловлен схожей творческой позицией Довлатова и Бухвальда. Ср., например, характеристики Довлатова, данные А. Генисом и П. Вайлем: «ссорил и обижал он часто – но в силу того, что рассказывал о людях смешное, а смешным быть всегда обидно» [2]. «В литературу Сергей политику не пускал, позволяя ей судить не выше сапога. Проза служила ему для другого – открывать новое, замаскированное под старое. Новизна Довлатова не в том, что он показал русскую тоску, неизбывную спутницу нашей словесности, не в том, что он взял в герои большого неизлечимым сплином лишнего человека, а в том, что изобразил его смешно и обаятельно, с искренней любовью и трогательным пониманием» [3]. И такое же замечание А. Гениса об Арте Бухвальде: «Ядовитый и безжалостный, он никого не щадил, но на него редко обижались. Бухвальд обладал уникальным для сатирика даром: он был, что называется, добряком, обожавшим смешить окружающих. Все остальное – даже политика! – отступало на второй план перед этой целью» [4]. Таким образом, в тексте происходит обогащение прецедентного имени Арт Бухвальд новыми ассоциативными компонентами.

Противопоставление, реализуемое стилистической фигурой антитезы, становится одним из ключевых механизмов создания ЯИ в идиостиле С. Довлатова. Использование антитезы отражает важные особенности мировоззрения писателя. ЯИ часто развертывается посредством синкризиса как в ранний, так и в зрелый периоды творчества писателя. Синкризис

служит для воплощения максимальных различий персонажей, что приводит к созданию т.н. «иронической» антитезы. Реализуются развлекательная и оценочная функции. Синкрисис структурно обусловлен синтаксическим параллелизмом. Это способствует яркому оформлению философских рассуждений о жизни: синкрисис эффективен для создания афористических высказываний. Использование прецедентных имен в конструкциях с синкрисисом способствует созданию функционально емких игровых высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочина Т. Г. Приемы контраста в русской паремике. Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы: II международная конференция (Гранада, 8-10 сент. 2010 г.). Гранада, 2010. Т.1. С. 69–73. URL: http://kpfu.ru/publication?p_id=36945 (дата обращения: 22.07.2017).
2. Вайль П. Без Довлатова. Звезда. СПб., 1994, № 3. С. 162–165.
3. Генис А. А. Дао Довлатова. Новая газета № 101 от 10.09.2014. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/09/10/61079-dao-dovlatova> (дата обращения: 30.08.2017).
4. Генис А. А. Памяти Арта Бухвальда. 23.01.2007. URL: <http://www.svoboda.mobi/a/373894.html> (дата обращения: 30.08.2017).
5. Голуб И. Б. Стилистика русского языка: учеб. пособие для вузов. 4-е изд. М.: Айрис-Пресс, 2002. 441 с.
6. Довлатов С. Д. Собрание сочинений в 4-х томах. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. Т. 1. 464 с.; Т. 2. 576 с.; Т. 3. 544 с.; Т. 4. 480 с.
7. Егорченко О. Н. Стилистические фигуры контраста в современном русском литературном языке: семантико-структурно-функциональная характеристика: автореф. дис.... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 18 с.
8. Квятковский А. П. Поэтический словарь / Науч. ред. И. Роднянская. М.: Сов. Энцикл., 1966. 376 с.
9. Клюев Е. В. Риторика Инвенция. Диспозиция. Элокуция: Учебное пособие для вузов. М.: 2001. 272 с.
10. Кравченко Э. А. Имя как элемент текста и поэтономосферы: поэтика связей и отношений: монография. Винница: ДонНУ, 2015. 388 с.
11. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.
12. Новиков Л. А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 290 с.
13. Симонов В. Арт Бухвальд: Легче умереть, чем найти место для парковки. 22.01.2007. URL: // <http://gia.ru/analytics/20070122/59479111> (дата обращения: 30.08.2017).
14. Стефанкова Л. Н. Номо Ridens: лингвистические аспекты изучения юмористического дискурса. Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. № 3. С. 139–145.

(Статья поступила в редакцию 16 марта 2018 г.)